

Irena Rudziewicz

Платоновские традиции в творчестве Сергея Залыгина последних лет

Acta Polono-Ruthenica 13, 133-143

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Irena Rudziewicz
Olsztyn

Платоновские традиции в творчестве Сергея Залыгина последних лет

Среди многих предшественников русской литературы Андрей Платонов (1899–1951) в творчестве Сергея Залыгина (1913–2000) занимает особое место, прежде всего своим необыкновенным умением проникать в душевные человеческие тайны, во внутренний мир личности, во все тончайшие изменения мысли, чувств, переживаний. Залыгин, опираясь в некоторой степени на стилистический опыт Платонова, продолжает линию его прозы в своих произведениях последних лет.

Связь прежде всего чувствуется в сказочной тональности их реалистических текстов, в общем духе и построении произведений, в развитии определённых тенденций в прозе. Точки пересечения их творчества различны и многократно возникают на стыке поведения и действий людей в определённых условиях переломных моментов их жизни в переменчивых исторических установках. Для Залыгина важно, что герои Платонова тесно связаны не только с текущим временем, обязательствами, нормами и закономерностями всей широкой системы общественных и межличных связей, но и неповторимой, могучей, панорамной природой.

„Платонов, считает Залыгин, умеет соединить частное с общим, деталь – пусть это будут оттенки настроения с размышлениями его героев – с целым миром непосредственно, минуя границы пейзажа и близлежащие предметы, человеческое сердце обладает у него связями со вселенной, со звёздами, с небом, его герои учатся этим связям и учат нас, учат извлечения из этих связей опыта и мудрости, постижению самих себя”¹.

Величие и красота природной среды, восхищение и удивление перед ней заставляют и героев последних текстов Залыгина по-новому взглянуть на мир, осознать своё место в нём, по-другому ощутить и пережить своё отношение к природе, обществу и другому человеку. Следуя Платонову, современный русский писатель в основу последних своих произведений

¹ С. Залыгин, *Литературные заботы*, Москва 1979, с. 81.

ставит глубокие, жизненные вопросы, которые волновали обоих писателей, хотя в разное историческое время, в другие моменты развития страны.

Взаимоотношения человека и природы, личности и общества, связь человека с историей, самооценność каждой индивидуальности, взаимосвязь личности и среды, поиски идеала, постановка самых основных философских, нравственных, этических и социальных проблем – это коренные вопросы бытия, которые легли в основу творчества писателей, органически соединяющих жизненный материал и опыт отдельной персоны со всеобщими вопросами жизни страны, нации, народа.

Для обоих творцов литературы характерен приём исследования источника существования личности, среды и места её обитания, тесной связи с природой, принцип сложной параллели между изображением явлений могущественной и прекрасной природы, а душевным состоянием героев, их размышлениями, внутренними раздумьями о смысле жизни, правде, счастье, нравственности, охране природных ресурсов: „[...] едва человек на заре новой эры, – размышляет один из героев Залыгина, – обратил духовный взор на Природу, на Дом свой, он тут же помыслил экологически: дом этот не вечен, его надо беречь не от грома и молнии, но от самого себя, от самых великих грехов своих [...]”².

О бессмысленном отношении человека к природе и её богатствам раздумывают и герои Платонова, считая, что необходима внимательность и мудрость в контактах людей с живой природой, их ответственность и предусмотрительность: „В один день, во время солнечного сияния, Пухов гулял в окрестностях города и думал – сколько порочной дурости в людях, сколько невнимательности к такому единственному занятию как жизнь и вся природная обстановка [...]. Он с деловитой нежностью оглядывал все принадлежности природы и находил всё уместным и живущим по существу. Садясь в бурьян, Пухов отдавался отчёту о самом себе и растекался в отвлечённых мыслях [...]”³.

Новая, послеперестроечная ситуация реальной жизни в России заставляет Залыгина обратиться к парадоксальным стилистическим приёмам Платонова, изображающего в своё историческое время отношения между людьми, приводящие к общественным трагедиям, к страданиям личности. „Страдания людей, трагедия их существования на земле” вызваны и отражены в творчестве Платонова, считает Залыгин, парадоксальностью жизни „общества вне законов природы”.

² С. Залыгин, *Свобода выбора*, Москва 1998, с. 162.

³ А. Платонов, *Сокровенный человек. Повести. Рассказы*, Москва 1984, с. 226.

„Мне думается, – пишет автор *Комиссии*, – что самое существование платоновской парадоксальности – это невероятное и дикое насилие человека над природой вещей и над природой как таковой, существование как бы вне природы и вопреки ей. Что ещё может быть большим парадоксом, чем такое существование? Перечитывая *Котлован* тем более *Чевенгур*, ещё и ещё убеждается в этом. Ведь вот же те его »природные« герои, такие, как Фро, как Иванов или Очаровательный человек, они написаны в совсем другом стиле. Но они и обречены”⁴.

Такую же глобальную трагедию Залыгин наблюдает в конце XX века в отношениях между человеком и природой. В последних рассказах Залыгин выражает беспокойство за отход людей от природы, от жизни в согласии с естественными законами природы, подчёркивает необходимость единства всего живого.

Залыгинские герои, похоже персонажам Платонова, всегда живут в тесном соединении с миром природы, являются её необходимой частицей, чувствуют своё слияние с почвой, природным миром, с Землей, совершая самое необходимое – жизнь. „Платоновский человек – подчёркивает Залыгин – никогда не является частицей, изолированной от мира, от природы; наоборот, он – частица этого мира и этой природы, их высшего смысла, их биологии...”⁵ и поэтому „классический пейзаж он заменил пространством, так что его герой погружен не в пейзаж, а именно в пространство, всё время его наблюдает, ощущает и чувствует его состояние, перемены, происходящие в нём [...]”⁶.

В таком же тесном слиянии с миром природы находятся и герои Залыгина. Они, подобно героини рассказа Платонова *Фро*, обращаются с природой непосредственно, приближены к ней, общаются со всеми природными проявлениями и фактами. Их наблюдения над явлениями природы, раздумья над своей жизнью, её смыслом и целью, особенно в годы перелома устоявшихся норм и правил общественной жизни, очень роднят последние тексты писателя с творчеством Платонова. „[...] те облепиховые и высоко травянистые луга, которые простирались за рекой, и та синяя полоса соснового бора, которым замыкались луга, и те линии горизонта, которые охватывали все это вместе взятое, вся эта вполне обозримая и привычная для меня планета существует не сама по себе, а только потому, что находится на Земле” – раздумывает один из героев последних текстов

⁴ С. Залыгин, *Литература и природа*, „Новый мир” 1991, № 1, с. 12.

⁵ С. Залыгин, *Литературные заботы...* с. 78.

⁶ *Ibidem*, с. 80.

Залыгина, отмечая при этом, что „кроме меня и всех тех людей, которых я видел в лицо, на Земле находится ещё и человечество, к которому я прочно, навсегда принадлежу, хотя и не вижу его и никогда не увижу”⁷.

Для героини платоновского рассказа *Фро* мир природы всегда рядом, находится „под рукой”, постоянно её окружает, принося радость и счастье не только для неё, но и всего человечества. „Фрося пробудилась; ещё светло на свете, надо было вставать жить. Она засмотрелась на небо, полное греющего тепла, покрытое живыми следами исчезающего солнца, словно там находилось счастье, которое было сделано природой из всех своих чистых сил, чтобы счастье от неё снаружи проникло внутрь человека”⁸.

В последних рассказах Залыгина, на подобие Платонова, интересует как индивидуальность, своеобразие каждой личности, включая в это разнообразие способностей (технических, организаторских, научных, исследовательских, художественных), так общность и общение героев друг с другом, тесные человеческие связи, взаимозависимости между людьми и взаимосвязи между человеком и натурой.

В рассказе *Наши лошади* природа приподнесла людям урок правильного и деятельного отношения друг с другом и доказала необходимость общего понимания и решения возникших вопросов, трудностей, проблем и задач. Автора интересовала мысль какими люди должны быть по отношению к природной среде, к самим себе, друг к другу, создавая общественное „мы”, это „хрупкое сооружение”, которое легко разрушить. „Мы – это ведь живой организм. Как во всяком организме, в нём существует прошлое и настоящее. И должно существовать будущее”⁹.

Залыгин многократно описывает удивительные истории, совершенно фантастические события, негативные явления, показывает драматические ситуации, которые наводят на глубокие раздумья о серьёзных последствиях таких непродуманных происшествий. В ткань последних текстов писателя врывается также самая обыкновенная реальность, бытовые мелочи и подробности, заурядные случаи, которые помогают создать полную и настоящую характеристику окружающей действительности и представленных героев, отразить правду эпохи НТР, реальность нового после-перестроечного времени. В остро современных по тематике текстах, автор ставит наиболее актуальные и наболевшие проблемы, связанные

⁷ С. Залыгин, *Рассказы от первого лица*, Москва 1983, с. 336.

⁸ А. Платонов, *op. cit.*, с. 535.

⁹ С. Залыгин, *Рассказы...*, с. 117.

с человеком и обществом эпохи НТР. Чувствуется в них писательская манера и опыт Платонова, особенно в рассказе *Анекдоты из жизни Кудашкина А.Я.*, написанном от первого лица, тяготеющему к сказу.

Герой-рассказчик в разговорной манере с радостью передаёт необычные, парадоксальные истории, часто употребляя профессиональные выражения, научные термины, технические слова и понятия, подчёркивая этим свою принадлежность к веку НТР, который, как он считает „не для всех. Кому-то по плечу, а кому-то и нет. Вообще век НТР, он какой? Он конкретный, ему подавай факт! Какой факт? Лучше всего необыкновенный”¹⁰.

И герой выискивает такие факты, живёт в мире выдуманного, парадоксального, в мире пустяков, недостойных внимания, уходит от истины, суровой правды реальности, от памяти прошлого и от самого себя. За терминами, за профессиональными выражениями, за монологами о величии и своей верности НТР нет правды, герой самовыражается и самораскрывается как личность пустая, без стойкой нравственности и этической позиции. Для Кудашкина все понятия нравственного долга, ответственности, чести, морали, любви, памяти, внимания к другому человеку не существуют, лишены содержания. Он уверен в себе в своей специальности, которая „вполне современная! Боевая: железобетон” и в своё будущее в „наш век стандартизации”, где „без специальности и без производственных интересов биографии нет как нет!”¹¹.

Для Кудашкина важнее всего техника, прогресс, который ставит выше духовности и нравственности, памяти и совести. В своём стремлении переустройства жизни и мира на основах техники и науки он занимает всё больше пространства от „а” до „я”, чем вызывает сильную обеспокоенность писателя, который, используя опыт текстов Платонова, дал образ такого технизированного, искусственного, умозрительного мира в этом рассказе и в повести *Оська – смешной мальчик*, раскрывая нелепость и ненужность построения придуманного, но бездушного, бессердечного мира вместо реальной, хотя часто трудной, неустроенной и противоречивой жизни.

Последние произведения Залыгина очень разнообразны по тематике, по форме, по стилю, в жанровом отношении – от фантастических историй, сатирических рассказов, коротких этюдов, юмористических повествований до притчи, эссе, философских размышлений и небольших повестей.

¹⁰ Ibidem, с. 281.

¹¹ Ibidem, с. 280–281.

В реальную основу многих из них входят необычные истории, воображения, сны, фантазии, мечты, которые по теории вероятности могли произойти в реальности. Они написаны в другой писательской манере, преобладает в них иная стилевая линия по сравнению с предыдущими реалистическими романами и повестями, хотя и там присутствовало уже у Залыгина отнесение к сказкам, к сказочному повествованию, хотя бы в романе *Комиссия*. Притчи, сказки, легенды, вторгаясь в настоящую жизнь героев романа, помогали писателю глубже осмыслить конфликты, яснее увидеть самую сложную ситуацию, ярче раскрыть внутреннее состояние героев, динамичнее воссоздать взаимозависимость и взаимосвязь характеров и обстоятельств.

Следуя опыту Платонова, внимание которого „привлекали прежде всего те сказки, содержание которых касается трагической, очень жестокой и бескомпромиссной борьбы добра и зла, подлинной мудрости с воинственным заблуждением”¹², Залыгин, используя элементы сказочности в реалистических текстах, ведёт активный поиск психологической достоверности поступков многих своих персонажей, нравственного обеспечения их деятельности, философского осмысления их борьбы за своё место в новой реальности послеперестроечного времени.

В последних текстах Залыгин в какой-то степени продолжает платоновскую линию следования традициям русской сказки, вводя в реалистические рассказы, реальные сцены и события оттенки сказочности, воплощая в своих героях, в духе произведений Платонова, аспекты нравственного поиска. Герои последних рассказов Залыгина, на подобие многих персонажей реалистических, со сказочными элементами текстов Платонова (например: *Сокровенный человек*, *Ямская слобода*, *Лампочка Ильича*, *Песчаная учительница*, *Происхождение мастера* и др.), „всегда готовы экспериментовать над собой в поиске истины своего существования”¹³, в поиске своего места в жизни, своей цели и роли в соединении с внешним миром природы.

Герои как Залыгина, так и Платонова готовы к испытаниям, жертвам, экспериментам и где такая готовность особенно высока, „там и реализм Платонова, считает автор *После бури*, сливается со сказкой настолько тесно, что их уже нельзя отделить друг от друга, как в повести *Джан* или рассказе *Такыр*; [...] логика сказки у него бескомпромиссна и обнажена так,

¹² С. Залыгин, *Литературные заботы...*, с. 70.

¹³ *Ibidem*, с. 73.

что она – уже не столько мысль, сколько само действие”. В таких произведениях, продолжает свои раздумья Залыгин, „просто жизненно очевиден трагизм жизни, просты и очевидны характеры, просты и очевидны объяснения, доказательства правоты своего существования здесь неопровержимы”¹⁴.

В поисках новых форм и возможностей отражения трудных проблем и сложных вопросов современной действительности конца XX века Залыгин использовал некоторые приёмы платоновской традиции, обратился к писателю, который „перенёс сказочность, её существенные элементы, в произведения вполне реалистического характера. Он перенёс туда манеру сказки, её стоицизм, её несколько меланхолическую и пассивную интонацию, особенно, когда дело касается страданий и физических испытаний героев, перенёс её мудрую простоту, её способ собеседования героев между собой и с читателем. Он не только обратился к сказкам, а ещё и усвоил их технологию и технику, их творческие принципы”¹⁵.

С грустной иронией, с применением фантастики и символики, гротеска и сатиры в многих своих последних текстах Залыгин говорит о гибкости и изменчивости взглядов современных русских, стандартности их мышления, о стремлении заменить реальный природный естественный мир конструкциями придуманными, искусственными, построенными, о поэтизации и преувеличении роли технических новинок, модных пустяков, выдуманных идей (например, *Анекдоты из жизни Кудашкина А.Я.*, *Оська – смешной мальчик*, *Мой летаргированный папа и я сам*, *Предисловие*, *Какнибудь* и другие).

В горько-иронической форме, с беспокойством и тревогой Залыгин говорит о людях, которые „разучились за пеленой чужих эмоций и многообразных жизненных философией видеть объективную реальность фактов, их принципиальную значимость и абсолютную нравственную суть”¹⁶.

Последние тексты Залыгина – экспериментальные, показывают поиски писателем новых жанров, иной стилевой манеры, других форм и возможностей выражения средствами искусства понимания огромного разнообразия явлений постперестроечного времени, „отражают серьёзные идейно-тематические, философско-нравственные и художественно-стилистические искания писателя”¹⁷.

¹⁴ Ibidem, с. 93.

¹⁵ Ibidem, с. 101.

¹⁶ А. Нуйкин, *Фантомы эстетической мысли*, „Литературное Обозрение” 1981, № 10, с. 11.

¹⁷ Ibidem, с. 14.

Залыгин в последних произведениях, в контексте прозы Платонова, выражает надежду, что абстрактные рассуждения, придуманные и вычисленные ситуации не заменят всё-таки реальной жизни, не приведут к полному разрыву человеческого существования, основанного на вечных законах природной жизни. Автор использует в них сказовую интонацию, характерную для творца *Котлована*, ритмический и интонационный строй, типичный для сказа, формы прямой речи, где язык героев индивидуализирован, раскрывает существенные черты их характеров, а речь описывает их душевный мир.

Перед фактами огромных общественных изменений, перед лицом личных потрясений и переживаний Залыгин в форме сочетания комического и трагического, одновременного употребления элементов высокого и низкого, юмористического и серьёзного, обращения к фантастике и сказке высказывает „обобщённые размышления о жизни и смерти, органичности и искусственной сконструированности, рассудке и разуме, природном и человеческом [...]”¹⁸.

И даже к образам „новых русских”, пропитанных авторской иронией, писатель относится с невозмутимым юмором, добродушной улыбкой, благожелательностью, выражая тихую надежду на пробуждение в них совести и памяти, ответственности и нравственности, на изменение под влиянием уроков природы отношений между ними (например: *Уроки правнука Вовки, Однофамильцы, Санний путь, Фестиваль* и другие).

Писатель внимательно и всесторонне наблюдает своих героев изнутри, входит в мир их ощущений и столкновений с разнообразным жизненным материалом. За будничными историями, мало интересными происшествиями, обыденными событиями проявляется в людях тоска по истинной близости другого человека, по настоящему вниманию окружающих к нашим душевным переживаниям. И хотя последние тексты Залыгина на первый взгляд выделяются иронической интонацией, сказочными элементами, комическим эффектом, кажутся юмористическими и сатирическими, в них преобладает внимание писателя к человеческой душе, её чуткости, чистоте, доброте, гуманизму, к главному в человеке – его нравственности (см. м. др. *Список талантов, Борис Борисович – самоубийца, Мистика, Клуб Вольных Долгожителей*).

От ежедневных проблем, постоянных забот залыгинские герои, на подобие персонажей Платонова, уходят в мечты, раздумья, разные истории, сны, разговоры о других, начинают вспоминать прошлое и думать о смерти,

¹⁸ Ibidem, с. 16.

её необходимости (см. *Государственная тайна, Предисловие, Ангельская ночь* и другие).

„По правде говоря, – скажет герой рассказа *После инфаркта*, – постинфарктный период всё-таки оправдал некоторые его надежды: появлялась возможность подумать о жизни. В целом. В формах, несколько, а то и порядком отвлечённых от повседневного бытия”¹⁹.

Большинство произведений Залыгина, написанных в конце XX века, только после первого поверхностного взгляда может показаться юмористическими, развлекательными, создавать атмосферу веселья и смеха, производить впечатление забавы. На самом деле в них глубоко и всесторонне рассматривается вопрос о нравственных основах и принципах жизни русского общества послеперестроечной эпохи, ставятся жгучие вопросы о смысле и ценности человеческого существования, ведутся серьёзные размышления о сути отдельной личности, о подлинных ценностях и моральных законах бытия людей.

Эти тексты отличаются большим разнообразием жанровых оттенков, богатством характеров и исследуемых ситуаций, глубокими раздумьями о современном человеке в трудное время перестройки и выбора пути в эпоху потрясений и общественно-политических перемен. Несмотря на тематику избранных героев, все произведения Залыгина последних лет отличаются чётко выявленной и определённой нравственной позицией, моральным кодексом, связанным с народным представлением о добре и зле, красоте и естественности, правдивости и совести, справедливости и ответственности в отношениях как между людьми, так и человека к природному миру.

Залыгина и Платонова роднит желание раскрыть насущные проблемы и значительные вопросы в определённое историческое время, в эпоху бурных переворотов, потрясений и изменений. Писатели связаны в стремлении представить современного человека, его отношения и взаимозависимость с миром природы.

Используя опыт многих своих предшественников, мастеров русской прозы²⁰, Залыгин обращается в последних своих произведениях и к творчеству

¹⁹ С. Залыгин, *После инфаркта*, „Новый мир” 1999, № 9, с. 108.

²⁰ См. Об этом: I. Rudziewicz, *Залыгин и Чехов. Некоторые проблемы творческого следования классической традиции*, „Rocznik Naukowo-Dydaktyczny. Filologia Rosyjska”, Rzeszów 1989, nr 7(68), с. 155–163; idem, *Традиции Максима Горького в творчестве Сергея Залыгина*, „Acta Polono-Ruthenica” 2003, nr 8, с. 139–149; idem, *Некоторые аспекты творческого следования Толстовским традициям в прозе Сергея Залыгина*, [в:] *Lew Tołstoj i kultury słowiańskie*, red. B. Białokozowicz, Olsztyn 2005, с. 63–72; idem, *Традиции Фёдора Достоевского в творчестве Сергея Залыгина*, „Проблемы славистики” Луцьк 2006, с. 103–108.

Платонова, осваивая, развивая, продолжая и, отталкиваясь, обновляя прежде всего его опыт и умение отразить человека, который никогда „не является частицей, изолированной от мира, от природы; он – частица этого мира и этой природы, их высшего смысла [...]; в нём преемственность поколений, наследственность, а вовсе не благоприобретённость его свойств, качеств и побуждений [...]; в нём слиянность с Землей, с почвой, с природой и внушает им чувство необходимости, и неизбежности своего существования”²¹.

Особенно ярко видно следование платоновской традиции в текстах Залыгина, связанных с фантастическим реализмом автора *Джана*, со сказочными элементами и формами его творчества, в произведениях, использующих фантастику и условные приёмы, сказочные формы, сплетённые с реальностью. Опираясь на художественные приёмы платоновского творчества сочетания реалистического содержания с элементами сказочной поэтики, Залыгин остаётся самостоятельным и оригинальным художником в отражении проблем русского общества послеперестроечного времени, создаёт произведения актуальные и современные. Любое художественное сочетание, по определению одного из исследователей – это „сложное единство взаимодействующих и в то же время соподчинённых между собой компонентов, а не простая сумма равнозначных и функционально однородных слагаемых”²².

Преемственность, идущая от Платонова к Залыгину, выражается, как нам кажется, в очень глубоких и разнообразных связях. Соображения, связанные с наиболее очевидными точками соприкосновения, сходными чертами, не претендуют, разумеется, на исчерпывающее освещение проблемы, не стремятся создать и определить общую картину следования традиции предшественника, а только обращают внимание на некоторые связи двух писателей, для которых „традиции живы, они живы всегда [...] они живут, учат, приобретают и теряют и в наших глазах и сами по себе, только мы не умеем как следует наблюдать за их жизнью”²³.

²¹ С. Залыгин, *Литературные заботы...*, с. 78.

²² М.Б. Храпченко, *Творческая индивидуальность писателя и литературный процесс*, Москва 1975, с. 242.

²³ С. Залыгин, *Литературные заботы...*, с. 365.

Streszczenie

Tradycje A. Płatonowa w twórczości S. Zalygina

W artykule przedstawiono stosunek Siergieja Zalygina do twórczych dokonań Andrieja Płatonowa. Na podstawie porównawczej analizy wybranych utworów obu pisarzy pokazano formy oddziaływania i elementy wpływów poetyki Płatonowa na twórczość Zalygina. Szczególną uwagę zwrócono na fantastyczne i bajkowe aspekty występujące w ostatnich utworach współczesnego pisarza.

Summary

Platonov's traditions in Sergey Zalygin's prose

In the article an attempt was made to present Sergey Zalygin's attitude to Platonov's literary output. On the basis of a comparative analysis of both writers' selected works, relationships, form and particular elements of the influence of Platonov's poetics on Zalygin's output were shown. Special attention was paid to fantasy and fairylike aspects manifesting themselves under the influence of tradition on the part of the Russian classic.